

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ летопись Революции... По самой природе своей она необходимо строится только на точно выверенных фактах, на документах, не вызывающих сомнений. В ее основу кладется великая правда жизни, правда истории и страстная убежденность автора в том, что великую правду жизни он постиг с позиций партийности и народности искусства, что он имеет моральное право делиться с широким читательским кругом своим уверенным знанием хода истории. В не меньшей степени нужны и яркие краски художника, призванные усиливать эмоциональное воздействие на читателей собственно исторических фактов. Именно лишь в двуединстве красочности и документальности проявляется в полной мере мастерство художника-летописца. Разрушение такой слитности неизбежно приводит либо к облегченной занимательности, либо делает книгу девопито-сухой, а подчас и просто скучной.

История — память народа. Сквозь гигантское решето времени она отсеивает все мелкое и оставляет только то, что кардинально определяло судьбу народа в его экономическом, социальном и духовном развитии. Говорю здесь не о всеохватной истории человечества, а о той ее ветви, которая относится непосредственно к нам, советским людям, и вглядываемся в которую мы глазами самого народа, творца современного социалистического общества, народа — строителя прекрасного будущего — коммунизма.

Ленин... Владимир Ильич... Вот кто как бы архимедовым рычагом качнул ось русской революции и заставил эту ось вращаться быстрее. «Десять дней, которые потрясли мир» — так вдохновенно сказал о русской революции американец Джон Рид, представляя, как вздрогнули тогда троны монархов и стальные дворцы банковских сейфов во многих других странах. Да, «десять дней» — целая эпоха работы творческой мысли, кропотливой организационной работы, вся жизнь человека. Владимира Ильича Ленина.

Жизнь Ленина — это история многих поколений пламенных борцов революции, честнейших, благородных людей, с именами которых решительно несоместимы такие понятия, как политический карьеризм, себялюбие, и которым, по Марксу, не чуждо «ничто человеческое». Жизнь Ленина — это история проявления самых трепетных его чувств, любви к родным, к семье, к друзьям, его постоянная забота о тех, кто к нему обращался за помощью. И даже не обращался, а просто нуждался в ней.

Все это — необозримое поле истории. Его горизонты вместе с течением времени все раздвигаются, зовут к новым открытиям. Научным, художественным. Наука — не в «второстепенной» истории, а в исследовании — принадлежат, разумеется, первое место. И здесь потрясающе велики достижения. Пятидесятилетнее собрание сочинений В. И. Ленина, сопровождаемое научным аппаратом, изумительным по своей тщательности. Продолжающееся издание «В. И. Ленин. Биографическая хроника», в котором, поражая своей документальной выверенностью, представлен в часах и минутах почти каждый из дней жизни Владимира Ильича, а значит, и хода истории революции. Многоотомная «История КПСС», различного рода энциклопедии и энциклопедические справочники, включающие в себя и ценные сведения по истории, книги воспоминаний непосредственных участников революционного движения, стенографические отчеты партийных съездов, пленумов, конференций. И если к этому прибавить еще приведенные в образцовый порядок историко-партийные архивы, дающие возможность всегда проверить по первоисточникам ту или иную публикацию, можно уверенно сказать, что надежный научный — документальный — фундамент для создания столь же капитальной художественной летописи революции у нас существует.

А собственно художественная летопись? Ужель не равновелика она своему фундаменту? Думаешь, спора не будет, если сказать, что к нашим дням классические образцы художественной летописи революции уже созданы во всех без исключения областях искусства.

Разве не потрясающ своим величием, торжественностью, убедительной гармоничностью и в то же время строгостью линий и красок ансамбль Красной площади и Кремлевской стены? Это вечный памятник Революции, Владимиру Ильичу, партии Ленина, народу —

строителю первого в мире социалистического государства. Разве не заставляют подолгу в благоговейном молчании посетители картинных галерей перед скульптурными композициями и художественными полотнами, на которых также навечно запечатлены трагические и светлые дни борьбы за Советскую власть на всех этапах ее становления и развития?

Слушайте музыку революции... — вдохновенно восклицал Александр Блок, разумея под этим радостно-тревожную зыбь земли, содрогавшейся от твердой мерной поступи вооруженных рабочих отрядов. Слушайте музыку революции — можно сказать и в самом прямом значении этих слов. Она — великодушная, исполненная революционной страсти, светлой дрожью входящая в сердца слушателей. — создана и в грандиозных симфониях, в операх, ораториях и, что особенно близко каждому, в песне. Широкой, массовой, увлекательной своей драматичностью и своим оптимизмом, твердостью

и неизбежностью веры в правое дело. А появление на киноэкранах «Броненосца «Потемкина», «Чапаева», ставших мировой классикой, и еще и еще многих лент, где события великих дней революции предстали перед нами в движении свободного художественного истолкования, нисколько не нарушавшем их исторической точности, а волновавшем каждого зрителя необычайно?

То же должно сказать и о театре, в котором зазвучали и совсем уж покоряющие своей достоверностью живые голоса.

Пожалуй, именно в кинематографе и на сцене началось постепенное и успешное решение главной и ответственной задачи художественной летописи революции — создание Ленинианы. Главнейшей потому, что годы развития и победы собственно революции, Октябрьской социалистической революции, протекли, наполненные гением Ленина, и вот теперь они, эти годы, сделались так или иначе историей, а Ленин, его вдохновенная создающая мысль, его прозорливость и предвидение будущего, личность Ленина — философия, стратегия и тактика революции, чисто человеческие черты его характера — все это оказалось теперь навсегда сопряжено с движением времени. Ленин — это не канон революционной общественной мысли, а ее творческое развитие. И художественная Лениниана — это эмоциональный, образный рассказ о Ленине и о Времени, не приостановленном никакими календарными датами.

«Портретов Ленина не видно: похожих не было и нет. Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет», — писал в далекие уже для нас дни пролетарский поэт Николай Пелевин. Он был прав тогда в самом основном — дорисовывать портрет Ленина представляло «векам», долгим годам. Что ныне последовательно и делается.

Но будет ли вообще когда-либо в буквальном смысле «портрет Ленина», то есть все стороны его жизни, деятельности и его личности, с исчерпывающей полнотой «дорисован»? Возможно ли это? Я бы рискнул сказать категорически: нет! Да и следовало ли бы ставить перед собою — перед кем-либо конкретно — такую задачу? Ленин был с нашими отцами. Ленин с нами. Ленин жив, а жизнь продолжается. И Ленин будет жить. И художники будут открывать все новые черты в его образе и новыми художественными средствами, соответственно движению времени, запечатлеть их в своих произведениях.

Погодинские «Человек с ружьем» и «Кремлевские курьезы» — как это далеко от творческой манеры М. Шатрова в его «Революционном этюде», и тем не менее ни одно из них не разрушает, а, наоборот, дополняет другое. Или столь разные по тональности фильмы, как «Ленин в Октябре» и «Ленин в Польше». А романы В. Канизца, повести М. Прилежаевой, трилогия А. Коптелова и тетралогия М. Шагинян: сколь часто они накладываются синхронно на одну и ту же сетку времени и сколь часто касаются одних и тех же событий! Но разве сколько-нибудь и в чем-нибудь они повторяют друг друга?

Ленин сосредоточенный... Проницательный... Мудрый... Спокойный... Ленин во гневе... Он пригорюнился... Он подвиген и весел... Он советуется...

Он подписывает декреты... Гамма эта неисчерпаема. И естественна. Он прежде всего человек. Однако ж здесь, в формулировке «Ленин — прежде всего человек», необходимо должна содержаться и некая доминанта, ибо Ленин прежде всего был человеком единой высокой цели, подчинившей себе всю его жизнь. От равномерного и тем более беспорядочного смещения многих цветных лучей никогда не получится чистого белого, дневного света. Было бы, пожалуй, совершенно несбыточной надеждой ожидание такого таланта, который бы сумел в одном произведении (книге, пьесе, скульптуре, художественном полотне, оратории) всеохватно исчерпать образ Ленина. Вернее, создать его. К нашим дням художественная Лениниана во всех областях искусства насчитывает тысячи и тысячи авторских решений. Этот творческий процесс закономерен и будет бесконечно продолжаться. Только во множественности индивиду-

альные решения видится верный путь к главной цели.

Но тут возникает и определенное беспокойство. О размельчении темы, о размельчении образа, не говоря уже о повторении и бессознательных (а может быть, иногда и сознательных) заимствованиях друг у друга. Наиболее отчетливо эти моменты начинают проступать в очень хорошей в целом серии «Плменные революционеры», имеющей заслуженный успех у читателей, которому быть и развиваться в дальнейшем. Но можно ли отрицать, что судьбы ряда революционеров из этой серии (так было и в жизни, иначе и быть не могло) во многих чертах сходны между собою? Конспиративная работа, аресты, допросы, тюрьмы, ссылки, общение и сотрудничество с Лениным. На первом плане всегда — и это естественно — тот, о ком написана книга. Его личность, его характер, его роль и его место в революционной борьбе. Он, предстательный читателю всего однажды, целен, а Ленин, многократно повторенный в книгах разных авторов, пусть и при различных обстоятельствах, все же — по сюжету — остается ограниченным лишь постоянной ролью: организатора, творца революции, организующего борьбу как бы из некоего отделения.

Это серьезные трудности. Они преодолимы и преодолены, однако полностью не исчезнут, и помнить о них необходимо. Быть очень строгим. Автору — к себе. Издателю — к авторам. Бытует иногда мнение, что собственно Лениниана, ветвясь, и образует могучее древо историко-революционной литературы. Я посчитал бы как раз наоборот. Из этой поистине грандиозной по своим масштабам литературы постепенно складывается Лениниана, и в ней все отчетливее выкристаллизовывается живой образ Ленина.

Знаю одного из старейших и талантливейших скульпторов, задумавшего композицию «Декрет о земле», и помню его многие десятки вариаций в глине. Доведенных, казалось бы, до полной завершенности. И все-таки вновь образных в ком мокрой глины. И так на протяжении по меньшей мере двадцати лет. Не слишком ли высоко подчас мы, литераторы, оцениваем свои рукописные и особенно маши-

нописные листы бумаги, стремясь скорее сделать их типографскими листами? Вспоминается и другое. Когда, давно уже, в селе Шушенском создавался музей — крестьянская изба Петровой, в которой В. И. Ленин провел большую по времени часть своей ссылки. Изба как изба, и двор обычный, крестовый — с амбаром, навесами, сараями; и улица перед домом ничем не примечательная, — единственное зеленое дерево. И вот возобладали мысль: благоустроить Дом-музей, со всей почтительностью отнестись к памяти о пребывании Ильича в этом доме. Решили и потолку подвесить современные светильники, смести все надворные постройки и вместо них, а также на предлежащей перед домом улице разбить розарий. Все было сделано добротно, тщательно, красиво, но... все это резко отклонялось от реалий давних лет. Предполагалось, что Дом-музей — это памятник, а памятник должен выделяться из общего ряда домов.

Ныне все по-иному. Памятником Ильичу становится — стала уже — крупнейшая в СССР Саяно-Шушенская ГЭС. Памятником стало само Шушенское, преобразованное по значению своему, и по внешнему облику в современный сельский культурный центр. А в нем Ленинский мемориал и дом, и вся улица, возархивные и своей исторической подлинности. Чем этот мемориал — заповедность своей — и выделяется из окружающей его, в духе времени быстро меняющейся обстановки. Все очень верно.

Не следует ли и в литературе, в искусстве, работая над воссозданием образа Владимира Ильича, не отрываться от эстетических требований времени — что касается средств изображения, — а вместе с этим твердо памятовать и об определенной заповедности в художественном истолковании личности Ленина и Ленина в революции? Допустимо ли, скажем, по принципу «а я вижу Ленина таким-то» навязывать читателю такие черты в характере, в речи, в системе мышления, во внешнем облике Ленина, которые противоречат всем о нем достоверным свидетельствам? Вместо углубления не разрушение ли образа это?

Вызывает беспокойство и словесная инструментовка некоторых произведений, посвященных Ленину, особенно в той части, где дается его прямая речь или излагается ход мысли. Диву даешься, насколько совпадающе звучат в этих случаях слова Владимира Ильича и его интонация со словами и интонацией самого автора. А ведь есть же собранные сочинения В. И. Ленина, есть ли хоть одна работа в нем, которая не была бы подтверждена действительностью? Мысль, утратившая свое значение в наши дни? Ленин навсегда современен. И что касается Ленина как гения социалистической революции в художественной литературе, он неотделим и никем не отделяется от движения времени. Но Ленин — мыслитель, философ, Ленин — провозвестник новой, социалистической нравственности, чистоты человеческих отношений, еще не поставлен должным образом во главу угла. По робости ли писательской перед грандиозностью темы? Или по непротопанности к ней дорог? Но как властно она, эта тема, стучится сейчас в сердца!

Итак, чем же особенно привлекает историко-революционная литература читателей? Почему эта литература находится в самом первом ряду читательских интересов? Да, безусловно, она волнует своей фактической стороной. Люди, в частности молодежь, хотят знать, как это происходило, с чего начиналась поворотная полоса в жизни общества. Увлекает сложность и драматизм подпольной, а позже и открытой борьбы стемными силами, уходящими в недобрую память народа. Но, конечно же, больше всего привлекают к себе внимание высокое благородство революционеров, цельность характеров, беззаветная верность идеалам коммунистического общества, свободного от пут капитализма и всех соединенных с этим моральных уродств. Их немало перешло и в наши дни. Как пережитки прошлого. Как засенное дурным поветрием совсем со стороны. А кое-что обрзавалось и само по себе. Живем мы не под стеклянным колпаком. И то, что мы в идеологическом плане именуем Западом, стремится тотчас же заполнить любые оставленные нами позиции. Однако ж при самом яростном злобствовании там врагов марксистско-ленинского учения поколебать невозможно его светлые основы, единственно ведущие к прочному миру, социальной справедливости, счастливой судьбе всего человечества в целом. В этих условиях историко-революционная литература выдвигается на очень важное место именно в той ипостаси, в которой ясно и убедительно раскрывается философская и нравственная сторона социалистической революции, борьбы за создание нового общества.

«Надо мечтать!» — говорил В. И. Ленин. И вкладывал в эти слова мысль не об идиллической, не о беспредметной, а об активной, действенной мечте, приподнятой, озаренной движущей людей к твердо поставленной цели. И когда мы ныне соединяем два слова — революционная романтика — в одно понятие, мы видим в этом отражение ленинских взглядов на работу революционера. Практическую, точную и в то же время одухотворенную. Приносящую, как результат ее, материальные блага народу и вместе с тем возвышающую нравственно. Именно таким видится дальнейший путь развития историко-революционной литературы, и как вершины ее — художественной Ленинианы.

Оценивая успехи советской литературы и искусства последнего времени, Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, в частности, сказал: «В творчестве наших мастеров по-прежнему звучат высокие революционные мотивы. Образы Маркса, Энгельса, Ленина, многих пламенных революционеров, героическая история Родины вдохновляют их на создание новых интересных работ в самых различных видах искусства».

Это очень высокая оценка, и поэтому — обязывающая оценка. Она воспринимается с чувством глубокой удовлетворенности. И с чувством духовной ответственности. Художественная летопись Революции должна продолжаться. Руками мастеров. И мастерски. Как того требует величие задачи.

Сергей САРТАКОВ

СТРАНИЦЫ ЛЕНИНИАНЫ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

альных решений видится верный путь к главной цели.

Но тут возникает и определенное беспокойство. О размельчении темы, о размельчении образа, не говоря уже о повторении и бессознательных (а может быть, иногда и сознательных) заимствованиях друг у друга. Наиболее отчетливо эти моменты начинают проступать в очень хорошей в целом серии «Плменные революционеры», имеющей заслуженный успех у читателей, которому быть и развиваться в дальнейшем. Но можно ли отрицать, что судьбы ряда революционеров из этой серии (так было и в жизни, иначе и быть не могло) во многих чертах сходны между собою? Конспиративная работа, аресты, допросы, тюрьмы, ссылки, общение и сотрудничество с Лениным. На первом плане всегда — и это естественно — тот, о ком написана книга. Его личность, его характер, его роль и его место в революционной борьбе. Он, предстательный читателю всего однажды, целен, а Ленин, многократно повторенный в книгах разных авторов, пусть и при различных обстоятельствах, все же — по сюжету — остается ограниченным лишь постоянной ролью: организатора, творца революции, организующего борьбу как бы из некоего отделения.

Это серьезные трудности. Они преодолимы и преодолены, однако полностью не исчезнут, и помнить о них необходимо. Быть очень строгим. Автору — к себе. Издателю — к авторам. Бытует иногда мнение, что собственно Лениниана, ветвясь, и образует могучее древо историко-революционной литературы. Я посчитал бы как раз наоборот. Из этой поистине грандиозной по своим масштабам литературы постепенно складывается Лениниана, и в ней все отчетливее выкристаллизовывается живой образ Ленина.

Знаю одного из старейших и талантливейших скульпторов, задумавшего композицию «Декрет о земле», и помню его многие десятки вариаций в глине. Доведенных, казалось бы, до полной завершенности. И все-таки вновь образных в ком мокрой глины. И так на протяжении по меньшей мере двадцати лет. Не слишком ли высоко подчас мы, литераторы, оцениваем свои рукописные и особенно маши-

нописные листы бумаги, стремясь скорее сделать их типографскими листами? Вспоминается и другое. Когда, давно уже, в селе Шушенском создавался музей — крестьянская изба Петровой, в которой В. И. Ленин провел большую по времени часть своей ссылки. Изба как изба, и двор обычный, крестовый — с амбаром, навесами, сараями; и улица перед домом ничем не примечательная, — единственное зеленое дерево. И вот возобладали мысль: благоустроить Дом-музей, со всей почтительностью отнестись к памяти о пребывании Ильича в этом доме. Решили и потолку подвесить современные светильники, смести все надворные постройки и вместо них, а также на предлежащей перед домом улице разбить розарий. Все было сделано добротно, тщательно, красиво, но... все это резко отклонялось от реалий давних лет. Предполагалось, что Дом-музей — это памятник, а памятник должен выделяться из общего ряда домов.

Ныне все по-иному. Памятником Ильичу становится — стала уже — крупнейшая в СССР Саяно-Шушенская ГЭС. Памятником стало само Шушенское, преобразованное по значению своему, и по внешнему облику в современный сельский культурный центр. А в нем Ленинский мемориал и дом, и вся улица, возархивные и своей исторической подлинности. Чем этот мемориал — заповедность своей — и выделяется из окружающей его, в духе времени быстро меняющейся обстановки. Все очень верно.

Не следует ли и в литературе, в искусстве, работая над воссозданием образа Владимира Ильича, не отрываться от эстетических требований времени — что касается средств изображения, — а вместе с этим твердо памятовать и об определенной заповедности в художественном истолковании личности Ленина и Ленина в революции? Допустимо ли, скажем, по принципу «а я вижу Ленина таким-то» навязывать читателю такие черты в характере, в речи, в системе мышления, во внешнем облике Ленина, которые противоречат всем о нем достоверным свидетельствам? Вместо углубления не разрушение ли образа это?

Вызывает беспокойство и словесная инструментовка некоторых произведений, посвященных Ленину, особенно в той части, где дается его прямая речь или излагается ход мысли. Диву даешься, насколько совпадающе звучат в этих случаях слова Владимира Ильича и его интонация со словами и интонацией самого автора. А ведь есть же собранные сочинения В. И. Ленина, есть ли хоть одна работа в нем, которая не была бы подтверждена действительностью? Мысль, утратившая свое значение в наши дни? Ленин навсегда современен. И что касается Ленина как гения социалистической революции в художественной литературе, он неотделим и никем не отделяется от движения времени. Но Ленин — мыслитель, философ, Ленин — провозвестник новой, социалистической нравственности, чистоты человеческих отношений, еще не поставлен должным образом во главу угла. По робости ли писательской перед грандиозностью темы? Или по непротопанности к ней дорог? Но как властно она, эта тема, стучится сейчас в сердца!

Итак, чем же особенно привлекает историко-революционная литература читателей? Почему эта литература находится в самом первом ряду читательских интересов? Да, безусловно, она волнует своей фактической стороной. Люди, в частности молодежь, хотят знать, как это происходило, с чего начиналась поворотная полоса в жизни общества. Увлекает сложность и драматизм подпольной, а позже и открытой борьбы стемными силами, уходящими в недобрую память народа. Но, конечно же, больше всего привлекают к себе внимание высокое благородство революционеров, цельность характеров, беззаветная верность идеалам коммунистического общества, свободного от пут капитализма и всех соединенных с этим моральных уродств. Их немало перешло и в наши дни. Как пережитки прошлого. Как засенное дурным поветрием совсем со стороны. А кое-что обрзавалось и само по себе. Живем мы не под стеклянным колпаком. И то, что мы в идеологическом плане именуем Западом, стремится тотчас же заполнить любые оставленные нами позиции. Однако ж при самом яростном злобствовании там врагов марксистско-ленинского учения поколебать невозможно его светлые основы, единственно ведущие к прочному миру, социальной справедливости, счастливой судьбе всего человечества в целом. В этих условиях историко-революционная литература выдвигается на очень важное место именно в той ипостаси, в которой ясно и убедительно раскрывается философская и нравственная сторона социалистической революции, борьбы за создание нового общества.

«Надо мечтать!» — говорил В. И. Ленин. И вкладывал в эти слова мысль не об идиллической, не о беспредметной, а об активной, действенной мечте, приподнятой, озаренной движущей людей к твердо поставленной цели. И когда мы ныне соединяем два слова — революционная романтика — в одно понятие, мы видим в этом отражение ленинских взглядов на работу революционера. Практическую, точную и в то же время одухотворенную. Приносящую, как результат ее, материальные блага народу и вместе с тем возвышающую нравственно. Именно таким видится дальнейший путь развития историко-революционной литературы, и как вершины ее — художественной Ленинианы.

Оценивая успехи советской литературы и искусства последнего времени, Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, в частности, сказал: «В творчестве наших мастеров по-прежнему звучат высокие революционные мотивы. Образы Маркса, Энгельса, Ленина, многих пламенных революционеров, героическая история Родины вдохновляют их на создание новых интересных работ в самых различных видах искусства».

Это очень высокая оценка, и поэтому — обязывающая оценка. Она воспринимается с чувством глубокой удовлетворенности. И с чувством духовной ответственности. Художественная летопись Революции должна продолжаться. Руками мастеров. И мастерски. Как того требует величие задачи.